

Среди теней и мутной воды

18+

no way

Среди теней и мутной воды

<https://litres.ru/74515528>

SelfPub; 2026

Аннотация

Потеряв невесту в автокатастрофе в Париже, Тони Танака бежит от невыносимой боли на край света — в глухую японскую деревушку Ясуда на острове Сикоку. Здесь, на вершине базальтового утеса над ревущим Японским морем, стоит заброшенный дом его родителей, покинутый еще в далеком детстве. Тони надеется найти уединение и забыться в шуме прибоя, но побережье встречает его тяжелым туманом и липкими, настороженными взглядами сельчан.

Содержание

Глава 1: Соль на ранах	4
Глава 2: Вчера которого не было	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

no way

Среди теней и мутной воды

Глава 1: Соль на ранах

Иллюминатор был холодным, как и сердце мужчины, сидевшего у окна. На высоте десяти тысяч метров, где воздух разрежен и чист, а облака лежат под ногами бесконечными полями ваты, он чувствовал себя не беглецом, а призраком. Самолет, этот герметичный ковчег из алюминия и пластика, уносил его прочь от Европы, от ее аккуратных, мощёных улочек, от ее серого неба, которое теперь навсегда было пропитано запахом горелой резины и разбитых стекол.

Он закрыл глаза, но под веками тут же вспыхнул тот самый кадр: фары встречной машины, мокрый асфальт, отражающий свет фонарей, как разлитое масло, и хрустальный смех, оборвавшийся на полуслове. Он резко открыл глаза, заставляя себя смотреть вниз.

Под ним проплывала Япония.

Она была совсем не такой, как на старых фотографиях в семейном альбоме или в туристических брошюрах. Сверху, сквозь дымку облаков, она казалась картой, нарисованной безумным картографом. Изумрудные горные хребты, покрытые густыми, почти черными лесами, прорезали тонкие се-

ребряные нити рек. Береговая линия была изрезана фьордами и бухтами, и там, где суша встречалась с океаном, вода была не синей, а какой-то свинцово-серой, тяжелой. Океан, казалось, дышал, медленно и глубоко, как спящий зверь. Рядом с побережьем, точно пятна мха, лепились крошечные деревни, а города, сверкающие россыпью стекла и бетона, напоминали чужеродные наросты на древнем теле земли. Остров Сикоку, к которому держал путь самолет, был особенно диким, гористым, будто сама природа хотела спрятать его от посторонних глаз.

Возвращение к истокам. Полезно. Смешно.

Что может быть полезного в возвращении к корням, которые ты никогда по-настоящему не знал? Он был японцем по крови, но европейцем по духу. Его родители уехали из Осаки, когда ему было два года, в поисках лучшей жизни. Они нашли ее в маленьком городке на севере Франции. Они говорили с ним по-японски дома, но его мысли, его сны, его проклятия после аварии — все это было на французском. Он был человеком без страны, а теперь еще и человеком без будущего.

Дом его родителей, тот самый дом, где он родился и который покинул в возрасте двух лет, пустовал уже три года. После их смерти — сначала отца от сердечного приступа, потом матери от тихого угасания, которое врачи называли "разбитым сердцем" — он так и не смог заставить себя приехать сюда. Слишком далеко, слишком больно, слишком много работы.

Отговорки, одна другой жалче. А теперь... теперь у него не осталось выбора. Дом в Европе, который он делил с невестой, стал невыносим. Каждая вещь, каждый звук, даже запах кофе по утрам — всё это кричало о ней. И он сбежал. Сбежал туда, где, по иронии судьбы, его ждал другой дом, полный призраков.

Самолет начал снижение, и в иллюминаторе замелькали огни города Мацуяма. Сердце сжалось. Это было не волнение, а скорее тупое, ноющее чувство неизбежности.

Аэропорт встретил его стерильной чистотой, вежливыми улыбками и звуками на языке, который он понимал, но который казался ему чужим, как выученный в детстве стих. Он прошел таможеню, получил багаж — один большой, потертый чемодан, в котором было всё, что осталось от его прошлой жизни — и вышел в зону прилета. Здесь его никто не ждал. Он заказал такси заранее, через приложение, и теперь искал нужный номер.

Машина, старенькая, но безупречно чистая Toyota, ждала его у выхода. Водитель, сухонький старик с морщинистым лицом и добрыми глазами, молча погрузил его чемодан в багажник.

— Куда едем? — спросил он по-японски, но мужчина, замешкавшись, ответил на английском:

— Деревня Ясуда. Отель... то есть, дом Танака. На побережье.

Старик понимающе кивнул, казалось, ничуть не удивив-

шись. Он завел мотор, и они тронулись в путь. Город быстро остался позади, уступив место узким, извилистым дорогам, выходящим между холмами. Мужчина смотрел в окно. Мир за стеклом был одновременно знакомым и пугающе чужим. Рисовые поля, разлившиеся водой, в которой отражалось небо, выглядели как гигантские зеркала. Бамбуковые рощи, высокие и зеленые, шелестели на ветру, отбрасывая причудливые, танцующие тени. Воздух, проникающий в приоткрытое окно, был влажным, соленым и пах водорослями и влажной землей. Он был густым, как сироп.

Дорога шла вдоль обрыва. Внизу, слева от них, ревело и билось о скалы Японское море. Оно было темным, почти черным, и лишь у самого берега взрывалось белой пеной, словно кипело от ярости. Ветер гнал по небу тяжелые, свинцовые тучи, грозя вот-вот разразиться дождем. Деревня появилась внезапно, как мираж. Она прилепилась к склону холма, спускающегося к морю, и состояла из нескольких десятков старых домов с традиционными черепичными крышами. Улицы были пусты. Ни души, ни звука, кроме криков чаек и гула прибоя. Казалось, время здесь остановилось, законсервировав это место в янтаре давно ушедшей эпохи.

Такси остановилось у самого края деревни, там, где дорога заканчивалась. Дом стоял на самом обрыве. Двухэтажный, с потемневшими от времени деревянными стенами и тяжелой, нависающей крышей, он выглядел так, будто в любой момент готов был сорваться вниз, в объятия жадного моря. Он был

старым, очень старым. И он был его.

Мужчина расплатился с водителем, который, бросив на дом быстрый, нечитаемый взгляд, пожелал ему удачи и уехал, оставив его одного. Он стоял, держа в руке ручку чемодана, и смотрел на свое наследство. Соленый ветер бил в лицо, трепал волосы. Он чувствовал, как холод пробирается под тонкую куртку.

Ключ, как ему сказали в письме от нотариуса, был спрятан под камнем у входа. Он нашел его без труда. Замок поддался не сразу, с противным скрежетом, будто дом не хотел впускать его. Дверь отворилась с тяжелым вздохом, и в лицо пахнуло затхлостью, пылью и чем-то еще... сладковатым и неприятным. Запахом запустения.

Внутри было темно. Он нащупал выключатель, но свет не зажегся. Электричество, должно быть, отключено. Он достал телефон и включил фонарик. Луч света выхватил из темноты узкий коридор, ведущий вглубь дома. Стены были увешаны старыми фотографиями в деревянных рамках. Он подошел ближе. С фотографий на него смотрели незнакомые лица. Вот его родители, молодые, улыбающиеся, на фоне этого самого дома. Вот он сам, маленький мальчик с серьезными глазами, в традиционном кимоно. Он не помнил этого. Ничего из этого он не помнил.

Тони Танака. Так его звали. Человек, которым он был, и мальчик, которым он никогда не был, встретились здесь, в этом темном коридоре, среди пыли и призраков прошлого.

Он прошел в гостиную. Мебель была накрыта белыми чехлами, которые от времени пожелтели и покрылись пятнами. В воздухе висела густая пыль, танцующая в луче фонарика. На каминной полке стояла одинокая чашка. Простая, керамическая, с небрежно нарисованным синим драконом. Она выглядела так, будто ее забыли здесь много лет назад.

Тони протянул руку, чтобы взять ее, но пальцы, онемевшие от холода и усталости, не послушались. Чашка покачнулась. Он попытался ее поймать, но было поздно.

Дзынь.

Звук разбивающейся керамики показался оглушительным в мертвой тишине дома. Осколки разлетелись по деревянному полу, сверкая в свете фонарика. Тони замер, глядя на них.

Осколки лежали на полу, поблескивая в свете фонарика, как маленькие осколки льда. Тони смотрел на них, и в голове билась одна мысль: не успел зайти, как уже что-то сломал. Вот всё не ладится у меня почему-то последние несколько дней.

Он тяжело вздохнул, звук прозвучал гулко в пустом доме. Нужно было убрать. Он не хотел оставлять это так — эти синие черепки на полу, этот немой укор. Он направился вглубь дома, осторожно ступая по скрипящим половицам, и вскоре нашел маленькую каморку, забитую всяким хламом. Там, среди пыльных банок и старых газет, он отыскал веник с выцветшей ручкой и жестяной совок. Инвентарь был старым,

но крепким.

Вернувшись в гостиную, он опустил на корточки и начал аккуратно сметать осколки. Веник шуршал по дереву, поднимая в воздух серую пыль. Тони старался не думать ни о чем, просто делать механическую работу. Собрав все до последнего черепка — он даже провел пальцами по полу, проверяя, не осталось ли мелких осколков — он высыпал их в мусорное ведро, стоявшее в углу кухни.

Чемодан он поставил тут же, в кухне, у стены. Тяжелый, набитый вещами, он казался единственным якорем реальности в этом доме призраков. Тони провел рукой по лицу. Усталость навалилась на него тяжелым одеялом, но голод был сильнее. Он не ел с самого Парижа.

Стол в кухне был покрыт слоем пыли. Тони нашел какую-то тряпку, смахнул пыль, и только потом достал из кармана телефон. Экран загорелся, высветив дату и время: 14:56, 13 сентября 2021 года. Он смотрел на эти цифры, и они казались ему чужими. Время здесь текло иначе, будто этот дом существовал в своем собственном измерении.

Тони пошарил по карманам рюкзака. Пальцы нащупали смятые купюры. Он вытащил их и пересчитал. 6800 йен. Он разменял их в аэропорту Парижа, наспех, перед самым вылетом. Хватит на еду, но не более того. Он усмехнулся, горько и безрадостно.

— Мда, немного я что-то разменял, — пробормотал он вслух. Голос прозвучал непривычно громко в тишине дома.

— Ну ладно, завтра съезжу, поменяю еще. Или удастся расплатиться картой.

Он переоделся. Стянул помятую после перелета рубашку, надел чистую футболку и легкую ветровку, которую достал из рюкзака. Джинсы оставил те же. В зеркале, которого в доме не оказалось, он не увидел своего отражения — и слава богу. Он не хотел смотреть на себя.

Тони вышел на улицу.

Соленый ветер ударил в лицо, но на этот раз он был не таким холодным, как утром. День разгулялся. Небо, все еще затянутое облаками, стало светлее, и сквозь серую пелену пробивались робкие лучи солнца. Было довольно тепло — градусов двадцать, не меньше. Тони постоял на пороге, вдыхая влажный морской воздух, и оглянулся.

Море было прямо за домом. Оно простиралось до самого горизонта, темное, но уже не такое зловещее, как при сером свете. Волны ритмично накатывали на скалы внизу, и их шум был убаюкивающим, почти гипнотическим. Тони хмыкнул — сам не зная почему — и зашагал по дороге в сторону деревни.

Путь до ближайшего круглосуточного магазина, как подсказал ему карты в телефоне, занимал около пятнадцати минут. Дорога шла вдоль обрыва, огибала холм и спускалась к деревне. Тони шел неспешно, разглядывая окрестности.

Народу на улицах было мало. Слишком мало. Он встретил лишь нескольких человек — пожилую женщину с сум-

ками, которая прошла мимо, не поднимая глаз, и старика, сидевшего на скамейке у дома и курившего трубку. Старик посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, но ничего не сказал. Тони кивнул ему, но ответа не последовало.

Пару раз он видел собак. Бродячих или просто гуляющих без хозяев — он не понял. Они трусили по улочкам, низко опустив головы, будто искали что-то в пыли. Одна из них, худая, с темной шерстью, остановилась и посмотрела на Тони. В ее глазах было что-то странное — не собачье, слишком осмысленное. Тони поежился и ускорил шаг.

На детской площадке, у дома с облупившейся краской, играла девочка. Лет шести, наверное. Она была одна. Качалась на качелях, медленно, без энтузиазма. Туда-сюда. Туда-сюда. Скрип качелей был единственным звуком, нарушавшим тишину. Тони прошел мимо, и девочка проводила его взглядом. Она не улыбнулась, не помахала рукой. Просто смотрела, пока он не скрылся за поворотом.

Странное место, — подумал Тони. Тихое. Слишком тихое.

Вот и круглосуточный магазин. Он стоял на углу, небольшой, с яркой вывеской, которая казалась неуместной в этом сонном царстве. Свет из окон лился на улицу, обещая тепло и хоть какое-то подобие нормальной жизни. Тони толкнул дверь и вошел внутрь.

Тони вошел в магазин, и дверь за спиной мягко закрылась, отсекая шум прибоа. Внутри было чисто и на удивление про-

сторно, несмотря на скромные размеры здания. Яркие лампы дневного света заливали помещение ровным, чуть холодноватым светом. Пол сверкал, полки были аккуратно расставлены, и нигде не было ни пылинки. Контраст с запущенным домом на обрыве был разительным.

За кассой стояла девушка. Лет двадцати — двадцати пяти, с темными волосами, собранными в небрежный пучок, и усталыми глазами. Она смотрела в сторону, на витрину с сигаретами, и, казалось, думала о чем-то своем. Что-то она грустная на вид, — подумал Тони. Но оно и не удивительно — постоянная работа на ногах. Он знал, каково это — стоять за стойкой часами, улыбаться покупателям, когда внутри пустота.

Он не стал ее отвлекать. Прошел мимо кассы вглубь магазина, к холодильникам с напитками. Стекланные дверцы слабо гудели, испуская холод. Тони открыл одну из них и взял баночку пива — холодного, светлого, в простой алюминиевой банке. Он не пил уже несколько месяцев. С того самого дня. Но сегодня... сегодня можно было.

С пивом в руке он перешел к холодильнику с замороженными полуфабрикатами. Здесь было на удивление много всего: пельмени, какие-то котлеты в панировке, овощные смеси. Его взгляд зацепился за пиццу. Большую, с щедрой начинкой из сыра и пепперони, выглядевшую на упаковке почти аппетитно. На кухне я видел микроволновку, — вспомнил он. Надеюсь, она рабочая. Или я просто останусь без ужина.

Он взял пиццу. Потом, на всякий случай, потянулся к соседнему стеллажу, где стояла лапша быстрого приготовления. Несколько упаковок, разных вкусов. На всякий случай. Уж чайник у меня то точно есть. Он усмехнулся про себя этой мысли. Чайник. Единственное, в чем он был уверен в этом доме.

С продуктами в руках — пиво, пицца, три пачки лапши — он подошел к кассе. Девушка оживилась, когда он выложил все на прилавок. Она начала пробивать товары, ловко проводя упаковки по сканеру, и вдруг подняла на него глаза.

— Вы новенький тут? — спросила она. Голос у нее был мягкий, но с легкой хрипотцой. — Я вас никогда не видела в нашей деревушке.

Тони кивнул.

— Ну, можно и так сказать. Жил тут когда-то. Очень давно.

Девушка отложила пиццу в сторону и посмотрела на него с любопытством.

— Не считите за грубость, а где вы жили в нашей деревушке?

— Ну, пятнадцать минут ходьбы, у моря. Домик на обрыве. Дом Танаки. Хотя вряд ли вы знаете.

Девушка замерла. Сканер пискнул, пробив последнюю пачку лапши, но она не обратила на это внимания. Ее глаза расширились, и на лице появилось странное выражение — смесь удивления и чего-то еще, что Тони не смог прочесть.

— Дом Танаки... — медленно повторила она. — Я знаю этот дом. Моя мама рассказывала, что я играла в детстве с их сыном.

Тони почувствовал, как что-то холодное скользнуло по спине. Он смотрел на девушку, пытаясь найти в ее лице хоть каплю узнавания, но память молчала. Глухая, темная пустота. Он не помнил ни ее, ни этот магазин, ни эту деревню.

— Да, — сказал он тихо. — Я их сын. Жаль, что не помню тех времен. Тони. Тони Танака.

Он протянул руку. Девушка посмотрела на его ладонь, потом на его лицо, и вдруг улыбнулась. Улыбка была теплой, искренней, и в ней не было ни капли той усталости, что он видел минуту назад.

— Знакомство с человеком, с которым раньше дружили, но не знали друг друга, — сказала она, пожимая его руку. Пальцы у нее были прохладными. — У меня впервые такой опыт. Нами. Нами Ошихава. Рада знакомству.

Она отпустила его руку и чуть наклонила голову набок, разглядывая его.

— Заходите, если вам будет скучно дома. Я тут почти каждый день. Подскажу, как ориентироваться по городу. Где что находится, куда лучше не ходить.

— Куда лучше не ходить? — переспросил Тони.

Нами на секунду отвела взгляд, будто сказала лишнее.

— Ну, мало ли, — сказала она, снова улыбнувшись, но улыбка теперь была чуть натянутой. — Всякое бывает. С вас

две тысячи шестьсот йен.

Тони достал смятые купюры, отсчитал. Нами приняла деньги, отсчитала сдачу и сложила продукты в пластиковый пакет. На дне пакета что-то глухо стукнулось — банка пива.

— Счастливой смены, — сказал Тони, забирая пакет.

— И вам... — начала Нами, но запнулась. — И вам спокойной ночи, Тони Танака.

Он вышел из магазина. Дверь за спиной закрылась с мягким щелчком. Тони постоял на крыльце, вдыхая вечерний воздух. Солнце уже клонилось к горизонту, и небо на западе окрасилось в бледно-розовые и серые тона. Тени стали длиннее. Улица, по которой он шел сюда, теперь казалась совсем другой — темной, таинственной. Фонари еще не зажглись.

Он достал телефон. Экран высветил 18:43. Время пролетело незаметно. Пора было возвращаться. Тони поправил пакет в руке и зашагал обратно по дороге вдоль обрыва. Море внизу потемнело, стало почти черным, и только белые гребни волн вспыхивали в сгущающихся сумерках, как короткие росчерки мела на грифельной доске.

Дом Танаки, — сказала она. Я играла с их сыном.

Тони шел и думал об этом. Деревня, в которой он родился, помнила его. А он не помнил ее. И это было неправильно. Глубоко, до самых костей неправильно.

Он не заметил, как дошел до дома. Тот стоял на краю обрыва, темный, молчаливый, с закрытыми ставнями, похожими на зажмуренные глаза. Тони посмотрел на него, потом на

море за спиной, где последний свет дня тонул в воде. Взял ключ, который все еще был в кармане, и подошел к двери.

Замок поддался на этот раз легче. Дверь отворилась с тем же тяжелым вздохом.

Тони зашел в дом, и тьма сомкнулась вокруг него, как вода. Он постоял секунду, привыкая, потом достал телефон и включил фонарик. Луч света запрыгал по стенам, выхватывая из мрака знакомые уже очертания: чехлы на мебели, фотографии в рамках, пыль, танцующую в воздухе.

Он прошел на кухню, поставил пакет на стол и достал пиццу. Коробка была холодной, картон слегка отсырел. Тони открыл дверцу микроволновки — старой, потемневшей от времени, с механической ручкой, покрытой слоем жира. Он засунул пиццу внутрь, закрыл дверцу и повернул ручку. Раздался щелчок, потом глухой гул, и внутри вспыхнул тусклый желтый свет.

Ну и хорошо. Не придется давиться лапшой.

Пока микроволновка гудела, нагревая пиццу, Тони занялся обустройством. Он сдернул накрывающую пленку с дивана — та поддалась с противным шорохом, выпустив в воздух новую порцию пыли. Под пленкой диван оказался старым, продавленным, обтянутым выцветшей тканью в каких-то разводах. Но это было лучше, чем ничего. Тони нашел в углу гостиной низкий деревянный стул, принес его и поставил перед диваном вместо столика. Больше ничего подходящего не было.

Микроволновка звякнула. Тони достал пищу — края подгорели, сыр пузырился, но запах был... нормальным. Человеческим. Он поставил коробку на стул, рядом — банку пива, и сел на диван. Пружины жалобно скрипнули под его весом.

Он ел молча. Откусывал горячую, чуть резиновую пищу, запивал холодным пивом. Вкус был простым, почти безвкусным, но это была первая горячая еда за... сколько? Он уже не помнил. Дни после аварии слились в один длинный, серый туннель, где не было ни голода, ни сытости — только пустота.

Доедая последний кусок, Тони откинул голову назад, на спинку дивана. Потолок над ним был темным, в разводах, и где-то в углу блестела паутина. Он смотрел в эту темноту и думал.

Вот видишь, Лиза. А ты говорила, что я только и могу сидеть дома, в четырех стенах.

Он усмехнулся. Горько. Пусто. Воспоминание о ее голосе — легком, с французским акцентом, — резануло по сердцу, как осколок той самой чашки. Он закрыл глаза, посидел так минуту, потом встал.

Посуду — коробку из-под пищи, пустую банку — он убрал в мусорное ведро, к осколкам чашки. Завтра надо будет вынести. Или послезавтра. Какая разница.

Он поднялся на второй этаж. Лестница скрипела под каждым шагом, и этот звук казался ему оглушительным в мерт-

вой тишине дома. Наверху была спальня — большая комната с низкой кроватью, накрытой серым покрывалом, и тяжелым деревянным комодом у стены. В углу — еще одна дверь, ведущая, должно быть, в ванную. А в дальнем конце комнаты, за занавеской, которую он сначала принял за часть стены, обнаружился балкон.

Тони подошел ближе. Занавеска была старой, выгоревшей, но крепкой. Он отдернул ее и увидел стеклянную дверь, ведущую наружу. За ней — маленький балкончик с железными перилами, покрытыми ржавчиной. Дверь поддалась с трудом, но открылась.

Ночной воздух ударил в лицо — холодный, соленый, свежий. Тони шагнул на балкон. Перила скрипнули под его пальцами, но выдержали. Он облокотился на них и посмотрел вниз.

Звезды освещали пляж. Луны не было видно — только россыпь белых точек на черном бархате неба. Море было спокойным, почти без волн, и только легкий шелест прибоя доносился снизу, будто дыхание спящего. Песок внизу казался серебристым в звездном свете, и на нем не было ни души.

Тони сунул руку в карман куртки и нащупал пачку сигарет. Он достал ее, посмотрел на знакомую упаковку — красную с белым, французскую, из тех, что он покупал в Париже.

— А вот и моя пагубная привычка, — сказал он вслух. Голос прозвучал тихо, почти шепотом.

Он вытащил одну сигарету, прикурил от старой зажигалки, которую нашел в кармане рюкзака еще в аэропорту. Дым поплыл в воздух, растворяясь в темноте. Тони затянулся глубоко, чувствуя, как никотин растекается по телу, успокаивая, притупляя.

Он смотрел на море и думал. О Лизе. О ее смехе. О том, как она смотрела на него — с любовью, с надеждой. О том, как это всё исчезло в одну секунду, в визге тормозов и хрусте металла.

Мы живем в мире, где любовь — это всё, что у нас есть. И она остается с нами даже на небесах. Поможет ли мне забыть всю горечь утраты другая женщина?

Он задал этот вопрос в пустоту, и пустота не ответила. Только море шелестело внизу, да ветер шевелил волосы.

Тони посмотрел на телефон. Экран загорелся, высветив время: 00:16, 14 сентября 2021 года. Уже наступил новый день. Первый полный день в этом доме. В этой деревне. В этой жизни.

Он докуривал сигарету, когда краем глаза уловил движение внизу. Тони перевел взгляд на пляж. Вдалеке, у самой кромки воды, виднелся силуэт. Человек. Темный, тонкий, он шел вдоль берега, медленно, будто прогуливаясь.

Как странно. Кто-то решил искупаться в такое время?

Тони прищурился, вглядываясь в темноту. Силуэт приближался, шел в сторону его дома. Когда до берега под обрывом осталось метров триста, звездный свет упал на лицо

человека.

Это была Нами.

Что она тут делает? Может, смена закончилась, и она решила искупаться?

Тони смотрел, как она идет. Ее движения были плавными, почти механическими. Она не оглядывалась, не смотрела по сторонам. Просто шла вдоль воды, и волны лизали ее босые ноги.

Он не знал, почему, но что-то в этом зрелище его встревожило. Может, то, что было слишком поздно. Может, то, что она была совсем одна. Может, то, как она шла — будто во сне.

Тони затушил сигарету о перила, стряхнул пепел в темноту. Накинул ветровку, которую так и не снял, сунул ноги в тапочки, стоявшие у балконной двери. И вышел из комнаты, вниз по скрипучей лестнице, к входной двери.

Ночной воздух на улице был еще холоднее. Тони поежился, но пошел вперед, к обрыву, туда, где начинался спуск к пляжу. Тропинка была узкой, каменистой, но он шел уверенно, освещая себе путь телефоном. Море становилось все ближе, его шелест — все громче.

Он вышел на пляж. Песок под ногами был мокрым и холодным, тапочки сразу промокли. Тони остановился, огляделся. Вокруг никого не было.

— Нами? — позвал он. Голос прозвучал глухо, поглощенный шумом прибоя.

Ответа не было.

Он пошел вдоль берега, туда, где, как ему показалось, он видел ее минуту назад. Следы? Да, вот они — цепочка босых ног, отпечатавшаяся на влажном песке. Но они обрывались у самой воды. Тони наклонился, всматриваясь. Следы были, но дальше... дальше их не было. Будто человек дошел до кромки и исчез.

Волна накатила, лизнула песок и отступила, стирая последние отпечатки. Тони выпрямился, огляделся еще раз. пляж был пуст. Только море, песок и звезды.

Он постоял еще немного, вглядываясь в темноту, потом вздохнул и повернул обратно. Поднимаясь по тропинке к дому, он чувствовал, как холод пробирается под одежду, как намокают ноги в тапочках.

Показалось?

Он не был уверен. Но что-то в этом ночном видении — в том, как Нами шла по кромке воды, как исчезла, будто растворилась — не давало ему покоя. Он вернулся в дом, закрыл дверь на замок, поднялся наверх и лег в кровать, не раздеваясь. Сон не шел. Он лежал и смотрел в потолок, слушая, как море дышит внизу, и думал о девушке из магазина, которая играла в детстве с мальчиком, которого он не помнил.

Он все-таки смог уснуть. Ближе к трем часам ночи усталость взяла свое, и Тони провалился в тяжелый, без сновидений, сон. Организм, истощенный перелетом, переживани-

ями и бессонницей, просто отключился, как перегоревший предохранитель.

Проснулся он поздно. Солнце уже стояло высоко, и сквозь щели в ставнях в комнату пробивались яркие полосы света, в которых танцевали пылинки. Тони открыл глаза и несколько секунд не понимал, где находится. Потолок был чужим — темные деревянные балки, паутина в углу. Потом память вернулась: Япония. Дом на обрыве. Побег.

Он сел на кровати, потер лицо руками. Тело ломило, будто он всю ночь таскал тяжести. Он потянулся к телефону на полу — экран загорелся, высветив 12:11, 14 сентября 2021 года. Полдень. Он проспал почти девять часов.

— Итак, нужно немного убратся дома, — сказал он вслух. Голос был хриплым, будто чужим.

Тони встал, потянулся, хрустнув суставами, и отправился в ванную. Она была маленькой, но функциональной: старая ванна на ножках, раковина с треснувшей плиткой, зеркало в потемневшей оправе. Вода из крана шла сначала ржавая, потом стала прозрачной. Он умылся, почистил зубы, чувствуя, как возвращается хоть какая-то ясность в голову.

Потом он начал убираться. Тони всегда был довольно чистоплотным — Лиза часто подшучивала над ним, называя его "аккуратным японцем", и в этой шутке была доля правды. Он не мог жить в грязи. Это было сильнее него.

Он нашел в кладовке старые тряпки, ведро и швабру. Вытер пыль со всех поверхностей — с комода, с подоконни-

ков, с фотографий в рамках. Каждую фотографию он снимал, протирал стекло, смотрел на лица. Родители. Он сам, маленький. Какие-то люди, которых он не знал. Он вешал их обратно, аккуратно, на те же места. В ванной он поставил свой шампунь на полку, рядом — стакан с зубной щеткой. Мелочь, но она делала это место чуть более своим.

Время шло незаметно. Он мыл полы, вытирал подоконники, даже попытался разобрать хлам в кладовке, но бросил — слишком много, слишком пыльно, слишком чуждо. Когда он закончил, взглянул на телефон. 21:13. Он убирался почти девять часов. Странно, но усталости он не чувствовал. Только тупую, ноющую пустоту где-то внутри.

— Нужно вынести мусор и дойти до магазина, — сказал он себе.

Он собрал мусор — осколки чашки, коробку от пиццы, пустые бутылки — рассортировал по пакетам, как полагалось в Японии, и вышел из дома. Вечерний воздух был прохладным, но не холодным. Небо на западе еще розовело, но с востока уже напознала темнота.

Тони спустился по тропинке и, оказавшись на улице, невольно окинул взглядом пляж. Он искал там что-то. Кого-то. Вчерашнюю Нами — или, может быть, потерянного себя. Пляж был пуст. Только волны накатывали на песок, оставляя пенные следы, которые тут же стирались следующей волной.

Он дошел до ближайшей мусорки — площадки с контей-

нерами для разных типов отходов. Аккуратно разложил пакеты по своим контейнерам: пластик, стекло, горючие отходы. Выпрямился и заметил движение на крыше соседнего дома.

Кот. Большой, черный, с белым пятном на груди. Он сидел на самом краю крыши и смотрел вниз. На Тони. На деревню. На мир. Его желтые глаза были полуприкрыты, но в них читалось что-то... древнее. Будто этот кот видел всё, что здесь происходило, за последние сто лет. Тони смотрел на него секунду, потом отвернулся и пошел дальше.

По дороге к магазину он снова проходил мимо детской площадки. Качели, на которых вчера качалась девочка, медленно двигались. Туда-сюда. Туда-сюда. От ветра. Тони остановился, посмотрел на них. Девочки не было. Никого не было. Только скрип — тихий, ритмичный, будто чей-то шепот.

— Пугающая тишина, — пробормотал Тони и пошел дальше.

Магазин светился в сгущающихся сумерках, как островок тепла и жизни. Тони толкнул дверь и вошел. Внутри было все так же чисто и просторно. За кассой стояла Нами. Она подняла голову, увидела его и улыбнулась. Помахала рукой. Тони махнул в ответ и пошел вглубь магазина.

Он ходил по рядам, набирая продукты: рис, яйца, овощи, немного мяса, хлеб, молоко. Еще пиво — на этот раз две банки. Еще лапшу, на всякий случай. Корзинка наполнилась быстро. Он подошел к кассе и поставил ее на прилавок.

— Куда ты вчера ушла с пляжа, когда меня на балконе увидела? — спросил он, не здороваясь. Слова вырвались сами собой, прежде чем он успел подумать.

Нами замерла. Ее рука, тянувшаяся к сканеру, остановилась в воздухе. Она посмотрела на него, и в ее глазах мелькнуло что-то — удивление? Настороженность?

— С пляжа? — переспросила она.

Тони почувствовал, как что-то холодное скользнуло по спине. Он вдруг понял, что говорит что-то не то. Что-то, чего не следовало говорить.

— А, ладно, забей, — сказал он быстро. — Я, возможно, перепутал тебя с какой-то другой девушкой.

Нами смотрела на него еще секунду. Потом ее лицо разгладилось, и она покачала головой.

— Тони, мой тебе совет, — сказала она тихо, почти шепотом, и в ее голосе была странная серьезность. — Не верь ночью своим глазам. Здесь ходят старые легенды. Говорят, в этих местах есть вещи, которые принимают облик других людей. И существ. Но, конечно, это всё байки. — Она улыбнулась, но улыбка была натянутой. — И, возможно, ты и вправду не меня видел. Потому что я вчера была тут всю ночь.

Она замолчала и начала пробивать товары. Сканер пищал, цифры на экране мелькали. Тони стоял, не двигаясь. Слова Нами эхом отдавались в его голове.

Вещи, которые принимают облик других людей.

Я вчера была тут всю ночь.

Он смотрел на ее руки, ловко переключившие продукты, на ее лицо, спокойное и сосредоточенное. Она не врала. Или врала очень хорошо. Но зачем?

— С вас три тысячи четыреста йен, — сказала Нами, поднимая на него глаза.

Тони молча достал деньги, отсчитал. Она приняла их, отсчитала сдачу, сложила продукты в пакет.

— Спасибо, — сказал он.

— Приходи еще, Тони Танака, — ответила она. — И... будь осторожен. Ночью.

Он вышел из магазина. Слова Нами звенели в ушах, как колокольчик. Он шел домой по темной дороге, и ему казалось, что тени по обочинам шевелятся. Что кто-то смотрит на него из-за деревьев. Что море внизу шепчет что-то на языке, которого он не знает.

Дома он разложил продукты, поставил пиво в холодильник — тот, к его удивлению, работал, — и поднялся на второй этаж. Вышел на балкон. Закурил.

Море было спокойным. Звезды отражались в черной воде, как рассыпанные бусины. Пляж внизу был пуст.

Тони смотрел на него и думал: Кто же тогда шел по берегу вчера ночью?

Вернувшись в комнату, Тони постоял немного, глядя на кровать. Спать не хотелось. В голове все еще звучали слова Нами из магазина — вещи, которые принимают облик дру-

гих людей — и он чувствовал, что не сможет просто лечь и закрыть глаза. Что-то тянуло его вниз, к морю.

Он решил, что хочет выпить баночку пива и посидеть у воды. Может, это поможет успокоиться. Может, шум прибоя заглушит мысли.

Тони накинул ветровку, сунул в карман сигареты и зажигалку, достал из холодильника банку пива — холодную, покрытую капельками конденсата — и вышел из дома. Ночной воздух был свежим, соленым. Тропинка к пляжу в свете телефона казалась знакомой, почти родной.

Пляж встретил его тишиной. Песок был сухим и на удивление теплым — прогрелся за день. Тони уселся прямо на песок, вытянул ноги, открыл банку. Пиво зашипело, пена поднялась к краю. Он сделал глоток, потом закурил. Дым поплыл в воздух, растворяясь в темноте.

Море дышало ровно. Волны накатывали на берег с тихим шелестом, будто кто-то шептал. Звезды отражались в черной воде, и горизонт был неразличим — небо и море сливались в одну бесконечную темноту.

Тони сидел и ни о чем не думал. Просто пил пиво, курил и смотрел в эту темноту. Это было почти медитацией. Почти покоем.

Потом кто-то нежно взял его за плечо.

Тони замер. Рука была холодной, но не ледяной — как мокрая ткань, как морская вода. Пальцы сжались мягко, почти ласково. Внутри всё оборвалось. Он не мог повернуть-

ся. Не хотел. Что-то древнее, животное, сидевшее глубоко в мозгу, кричало: не оборачивайся.

Но он обернулся.

Медленно, будто преодолевая сопротивление воды, он повернул голову. Рядом с ним, на песке, стояла Нами. Но это была не совсем она.

Лицо было тем же — те же темные волосы, тот же разрез глаз, те же губы. Но что-то было не так. Кожа казалась чуть бледнее, будто обесцвеченная. Глаза смотрели прямо на него, но в них было что-то... пустое. Как у куклы. И стояла она слишком прямо, слишком неподвижно, будто не дышала.

— Ты сидишь тут один, — сказала она. Голос был ее, но с другой интонацией — плоской, без эмоций. — Почему?

Тони сглотнул. Во рту пересохло.

— Не знаю. Устал. Хочется побыть одному.

Она наклонила голову набок. Движение было плавным, но каким-то неправильным — будто шея повернулась чуть дальше, чем должна была.

— Грустный одиночка с балкона, — сказала она. Это не было вопросом.

Тони почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Кто ты такая? — спросил он. Голос дрогнул, но он заставил себя смотреть ей в глаза.

Она улыбнулась. Улыбка была неправильной — слишком широкая, слишком ровная.

— Это не столь важно. Важно то, что Нами может завтра погибнуть.

Слова упали в тишину, как камни в воду. Тони смотрел на нее, и в груди что-то сжалось.

— Не шути так, — сказал он. — Что ты такое? Ты пришелец? Или призрак?

Он сказал это почти спокойно. Как будто ему было всё равно. Как будто он уже устал бояться. Может, и правда устал. После аварии, после Лизы, после всего — что еще могло его испугать?

Она посмотрела на него. В ее пустых глазах что-то мелькнуло — не эмоция, а скорее тень эмоции.

— Я и сама не знаю, что я и кто я, — сказала она тихо. — Знаю только, что завтра будет что-то плохое.

Она убрала руку с его плеча. Прикосновение исчезло, и Тони почувствовал, как холод возвращается.

— Зачем ты мне это рассказала? — спросил он.

Он обернулся, чтобы посмотреть на нее. Но двойника уже не было. Только пустой пляж, темное море и звезды. Будто ее никогда и не было.

Тони сидел, не двигаясь. Сердце колотилось где-то в горле. Он посмотрел на банку пива в своей руке. На этикетке было написано: содержание алкоголя 3%.

Он усмехнулся. Горько, почти истерически.

— Я, наверное, очень сильно напился, — сказал он вслух.

Он допил пиво, смял банку, затушил сигарету о песок.

Встал, потряхнул джинсы. Ноги были ватными, но он заставил себя идти. Вверх по тропинке, к дому. К дому, который уже не казался ему просто старым зданием. Теперь он казался чем-то живым. Чем-то, что наблюдает.

Тони вошел внутрь, закрыл дверь на замок. Поднялся на второй этаж. Не стал выходить на балкон. Просто лег на кровать, не раздеваясь, и уставился в потолок.

Завтра будет что-то плохое.

Нами может погибнуть.

Он закрыл глаза. Сон не шел. Но он лежал, и слушал, как море дышит внизу, и ждал утра.

Новый день начинался как обычно. Солнце пробивалось сквозь щели в ставнях, рисуя на полу золотые полосы. Пыль танцевала в воздухе. Где-то вдалеке кричали чайки.

Тони открыл глаза. Потолок. Балки. Паутина в углу. Всё то же. Он полежал минуту, прислушиваясь к себе. Голова была тяжелой, но не болела. Тело ломило от сна в одежде.

Он потянулся к телефону. 10:35, 15 сентября 2021 года. Он встал раньше, чем вчера. Прогресс.

В памяти всплыли слова Псевдо-Нами — он сам назвал ее так в своих мыслях. Завтра будет что-то плохое. Нами может погибнуть. Тони поморщился, потер лицо руками.

— Пьяный бред, — сказал он вслух. — Три процента. Я просто устал. Просто переутомился.

Он не хотел в это верить. Не мог. Если начать верить в такие вещи, можно сойти с ума. А он и так был на грани.

Тони умылся, оделся, вышел из дома. Утро было ясным, теплым. Солнце припекало, и море внизу сверкало, как разлитое серебро. Он решил прогуляться по деревне. Просто пройти, проветрить голову, посмотреть на людей.

Улицы были живыми. Наконец-то. Ходили люди — немного, но всё же. Пожилая пара медленно брела по дороге, о чем-то разговаривая. Мужчина в рабочей одежде нес ящик с инструментами. Женщина с сумкой через плечо шла в сторону магазина. Собаки — две или три — игрались друг с дружкой на площадке у дома, гоняясь друг за другом и радостно тявкая. Девочка качалась на качелях. Туда-сюда. Туда-сюда. Всё было на своих местах. Нормально. Обычно.

Тони шел и чувствовал, как напряжение понемногу отпускает. Может, и правда показалось. Может, он просто слишком много думает.

И тут что-то ударило.

Как током. Прямо в голову.

Мир вокруг замедлился. Звуки стали тягучими, будто пленка застряла в проекторе. Люди двигались медленно, как под водой. Собаки замерли в прыжке. Девочка на качелях застыла в воздухе. И в голове Тони что-то ускорилося — мысли понеслись, обгоняя друг друга, сталкиваясь, разрываясь. Давление. Сильное. Будто кто-то сжал череп изнутри.

Тони вскрикнул — или ему показалось, что вскрикнул, — и осел на корточки. Закрыв глаза руками. Боль пульсировала в висках, в затылке, за глазными яблоками. Он сжал зубы и

ждал.

Потом отпустило.

Он открыл глаза.

Улица была пуста. Люди исчезли. Собаки исчезли. Девочка на качелях исчезла. Только качели медленно качались — туда-сюда, туда-сюда — хотя ветра не было.

Тони медленно встал. Ноги дрожали. Он огляделся. Деревня была той же — дома, дорога, деревья. Но теперь она была мертвой. Тишина стояла такая, что звенело в ушах.

— Эй! — крикнул он. Голос прозвучал глухо, будто в вате.
— Есть кто-нибудь?

Никто не ответил.

Он пошел дальше. Медленно, осторожно. Ноги сами несли его к магазину — туда, где он был вчера. Где была Нами.

Магазин был виден издалека. И Тони сразу понял, что что-то не так. У входа стояли две полицейские машины, мигалки вращались, отбрасывая красно-синие блики на стены домов. Желтая лента ограждения натянута поперек входа. Люди в форме сновали туда-сюда.

Тони подошел ближе. Никто его не остановил. Он заглянул внутрь — дверь была открыта.

Внутри царил хаос. Полки были опрокинуты, товары разбросаны по полу — бутылки, пакеты, консервы. Кассовый аппарат валялся на боку, ящик с деньгами выломан. А в центре, на полу, лежало что-то длинное, накрытое черным пластиковым пакетом. Пакет был большой. Слишком большой

для человека. И из-под него на пол медленно расползалась темная лужа.

Тони смотрел на эту лужу, и в голове у него что-то щелкнуло. Картинка перед глазами сменилась. Мокрый асфальт. Разбитое стекло. Кровь. Лиза. Ее лицо, застывшее, восковое.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет.

Кто-то схватил его за руку. Полицейский. Молодой, с гладко выбритым лицом. Он что-то говорил, но Тони не слышал слов. Только гул. Как будто где-то далеко работал двигатель. Мысли текли медленно, как патока.

Полицейский вывел его на улицу. Усадил на скамейку. Тони сидел, смотрел на свои руки, на полицейские машины, на ленту ограждения. И тут вспомнил.

Нами может завтра погибнуть.

Он вскочил. Полицейский обернулся. Тони подошел к нему — тот как раз закуривал у патрульной машины, — и спросил, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Что случилось? Скажите, пожалуйста.

Полицейский посмотрел на него. Усталые глаза, морщины у рта. Он затянулся сигаретой и выдохнул дым.

— Очевидцы говорят, пришел мужчина. Решил ограбить кассиршу. А дальше началась какая-то чертовщина. — Он помолчал, будто решая, говорить ли дальше. — Тело девушки больше похоже на кусок мяса. Я такого не видел никогда. И надеюсь, не увижу.

Тони стоял в ступоре. Слова полицейского звучали где-то

далеко, будто из-под воды. Тело девушки. Нами. Девушка с улыбкой, которая играла с ним в детстве. Девушка, которая сказала: не верь ночью своим глазам.

Снова ток. Удар в голову. Паника поднялась из живота, обожгла грудь, сжала горло. Тони осел на корточки. Закрыв глаза. Дышал. Раз, два, три.

Открыл.

Он был на пляже.

Песок под ногами. Шум прибоя. Ветер. Море. Тони стоял и смотрел на волны, и в голове билась одна мысль: Что со мной происходит? Как я тут оказался?

Он обернулся. Позади никого не было. Деревня виднелась вдалеке — маленькая, игрушечная, будто нарисованная. Он посмотрел на свои руки. Они дрожали.

И тут за спиной раздался голос.

Знакомый. Слишком знакомый. Мягкий, с легким французским акцентом. Голос, который он слышал каждый день на протяжении пяти лет. Голос, который он больше никогда не должен был услышать.

— Мы пришли сюда побыть вдвоем.

Тони замер. Он не повернулся. Не мог. Ноги вросли в песок, руки повисли, как плети. Сердце остановилось, потом ударило с такой силой, что зазвенело в ушах.

Он стоял и смотрел на море. Волны накатывали на берег, одна за другой, ровно, спокойно, будто ничего не произошло. Будто мир не перевернулся только что.

За спиной было тихо. Она ждала.
Тони не повернулся.

Глава 2: Вчера которого не было

Тони стоял, не в силах пошевелиться. Море шумело внизу, волны накатывали на песок, и этот звук был единственным, что напоминало о реальности. Всё остальное — мир, время, пространство — застыло.

За спиной было тихо. Она ждала.

Он обернулся.

Лиза стояла в двух шагах от него. Босая, в легком летнем платье — том самом, с мелкими цветами, которое он так любил. Волосы развевались на ветру, темные пряди падали на лицо. Она улыбалась — мягко, чуть насмешливо, как улыбалась всегда, когда заставляла его за чем-то нелепым.

Живая. Настоящая. Здесь.

Что-то в груди Тони оборвалось. Он не думал. Не мог думать. Тело двигалось само — он шагнул вперед, обхватил ее руками, прижал к себе. Крепко. Отчаянно. Будто если отпустит — она исчезнет. Будто если не держать — растворится, как утренний туман.

Она была теплой. Пахла знакомым запахом — лавандой и чем-то еще, неуловимо-ее. Волосы щекотали его щеку. Он чувствовал, как бьется ее сердце. Или это было его собственное.

— Эй, ты чего? — Лиза рассмеялась, мягко отстраняясь.
— Что с тобой? Мы вчера только приехали с тобой.

Тони не мог сказать ни слова. Горло сжалось, будто кто-то перекрыл воздух. Он смотрел на нее — на ее лицо, на ее глаза, на то, как она хмурила брови, разглядывая его с беспокойством.

Капли слез падали с его глаз. Он не замечал их. Просто стоял и смотрел.

— Тони? — Она коснулась его щеки. Пальцы были теплыми. — Ты меня пугаешь. Что случилось?

Он сглотнул. Раз, два. Собрался с мыслями. Голос, когда он наконец заговорил, был хриплым, будто чужим.

— Ничего. Просто... — он замолчал, не зная, что сказать. Что можно сказать? Я видел, как ты умираешь. Я хоронил тебя. Я сходил с ума без тебя. — Просто соскучился.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у него когда-то перехватывало дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.